

Его иллюстрации Шолохов считал лучшими

Судьба донского художника Сергея Королькова

Петр Ткаченко

Скульптор Константин Чернявский часто обращается к теме казачества. Мало кто сегодня в России так искусно, как он, лепит лошадей. Такое яркое дарование, думалось мне, не могло быть не связанным с предшествующей изобразительной культурой юга России, Дона, откуда Чернявский родом. И действительно, оказалось, что на своем творческом пути Чернявский испытал влияние редкого по таланту, по постижению народных начал жизни, теперь уже полузабытого художника Сер-

му скульптурный стек, принадлежавший некогда самому Королькову. Как бы в завещание и продолжение традиций талантливого художника. Сергей Дмитриевич рассказал своему ученику о совершенно неизвестном тогда мастере.

Училище имени Грекова было создано для обучения художествам казачьих детей. Педагоги часто ездили по хуторам и станицам в поисках одаренных ребят. Однажды в одной из таких поездок у станицы Елизаветинской они и встретили Королькова. То есть сначала увидели глиняные фигуры на берегу Дона, вылепленные довольно искусно, а потом уже узнали и

Художник любил родной Дон, как говорят, до чертиков

гея Григорьевича Королькова. Между тем творчество Королькова соотносимо разве только с творчеством Михаила Шолохова в литературе.

В начале семидесятых годов в Ростове-на-Дону Константин Чернявский начинал заниматься по рисунку, скульптуре и живописи под руководством Сергея Дмитриевича Михайлова, который преподавал в Ростовском художественном училище имени Грекова со дня его основания. В то время Сергею Дмитриевичу было около девяноста лет. Видя интерес Чернявского к казачеству, к народным истокам в творчестве, он и показал ему однажды рисунки другого своего бывшего ученика, а потом и друга Сергея Королькова. Когда учитель и ученик подружились, Михайлов подарил Чернявско-

их автора. На вопрос станичникам: «Кто это все сделал?», казаки кивнули на парня, рыбачившего неподалеку: «Да это наш Сергунька». Сергунька же вопреки ожиданиям особого интереса к заезжим художникам не проявил и даже с какой-то неохотой показал свои рисунки. Педагоги были поражены, увидев не только портреты станичников, изображения лошадей, но и целые батальные композиции. Естественно, они пригласили его учиться в Ростов.

Однако в Ростове Сергей Корольков появился не сразу. То ли из-за своего казачьего нрава, то ли дела по хозяйству задержали, но пришел он в город уже с заморозками. Именно пришел пешком. Переходя Дон, провалился под лед, но выбрался сам и мокрый, в заледенелой одежде

С картины Сергея Королькова «Выдача казаков в Лиенце». Картина принадлежит Нью-Йоркской общеказачьей станице, США.

независимая. — 2002 — 14 мая — с 12.

ввалился в дом Сергея Дмитриевича, причем ночью. От всяких лекарств отказался, но попросил стакан водки. Завернувшись в тулуп, проспал ночь и наутро был здоров.

Поскольку вступительные экзамены уже давно прошли, для него устроили специальный экзамен в училище. Экзамен тоже получился своеобразным. «Что вы хотите рисовать?» — спросили его члены приемной комиссии. «А вот этого мужика», — сказал он, ткнув пальцем в скульптуру Гудона. «Ну садитесь, смотрите, рисуйте», — сказали ему. «Что мне его смотреть, я уже его всего высмотрел», — отве-

тил он и пошел в соседнюю комнату. Через некоторое время он вернулся с вполне точным рисунком. После окончания училища он поступил в Ленинградскую академию художеств. На факультет скульптуры к Манизеру. Но, как говорят, педагог вскоре взмолился: «Мне вас нечему уже учить...» Сергей Григорьевич вернулся на Дон, где работал в основном над казачьей тематикой, которая была не то что невостребованной, но гонимой. Множество рисунков, скульптур... Куда все это делось, неизвестно... На сегодня остался только великолепный горельеф на фасаде Драмтеатра имени Горького в

Ростове-на-Дону «Донская Вандея» и рельеф на гостинице «Россия».

Михайлов как-то поведал Чернявскому, что у Королькова была замечательная работа, вырезанная из цельного куска самшита. Называлась она «Донской рыбак, поймавший сома». И вот однажды Чернявский в составе группы учеников художественной школы побывал в гостях у известного писателя Виталия Закруткина. Как только вошли в кабинет писателя, он и увидел эту работу. Тут же спросил у писателя: «Неужели это Корольков?» Писатель был не менее удивлен и даже поражен тем, откуда юно-

ша знает этого замечательного художника, имя которого всячески утаивалось.

И, конечно, Сергей Корольков не мог не обратиться к «Тихому Дону», который в это время начал публиковаться. Он проникся духом романа, создав непревзойденные оригинальные иллюстрации, которые сам Шолохов считал наилучшими. Это были даже как бы не иллюстрации к роману, но отдельные, самостоятельные произведения искусства. Трудно найти другой пример такого слияния, единства текста и иллюстраций к нему. Иллюстрации воспроизводились в ранних изданиях «Тихого Дона».

Корольков не раз встречался с Михаилом Шолоховым. Говорят, что была между ними такая беседа. Когда Михаил Александрович стал поучать художника, как надо бы сделать, он ему сказал: «Михаил Александрович, я тебя учу писать? Вот и ты не учи меня рисовать...» Извинившись, писатель обнял товарища.

Сергей Корольков был таким же казаком в творчестве, как и в жизни. Мог запросто спеть на площади Ростова «Боже, царя храни». А когда к нему обращались с заказами большие чины, он долго не соглашался, как говорится, «ломался», ссылаясь на занятость. Но потом назначал

время для сеансов. Когда же заказчик приходил, он видел уже совершенно готовый портрет...

Он любил свой родной Дон, любил, как говорят, до чертиков. И никуда из родного края не собирался. Во время оккупации города немцами, накануне их отступления, он целый вечер был у Сергея Дмитриевича Михайлова. На следующий день условились встретиться. Но Корольков не пришел. Когда немцы оставили город, Сергей Дмитриевич пошел на его квартиру, но там никого не было. Он стал расспрашивать соседей, которые ему и рассказали, что немцы подогнали к дому грузовик, в который загрузили все работы художника, потом, видимо, подпоив, буквально втащили, загрузили в машину его самого и уехали...

На чужбине Сергей Корольков страшно тосковал по родному краю. Сначала жил в Европе, потом — в Америке. Занимался искусством и там, даже имел успех. Сделал фигуру Линкольна, написал большое живописное полотно «Выдача казаков в Лиенце в 1945 году». (Выдача произошла на территории Австрии после капитуляции Германии по соглашению между Сталиным и англичанами; многие казаки были убиты на месте, остальные депортированы в тюрьмы и лагеря НКВД.)

Где-то в шестидесятые годы старшую дочь Сергея Дмитриевича Михайлова, за которой ухаживал в свое время Корольков, вызвали в «органы». Дали почитать его письмо к ней и сообщили, что он умер.

У скульптора Чернявского на память о Королькове остались его скульптурный стек, старинный учебник анатомии и фотография, некогда подаренная Михайлову. ■